

СЭМ ГРИН
ГРЭМ
РОБЕРТСОН

КТО ЗДЕСЬ ВЛАСТЬ?

Граждане,
государство
и борьба
за Россию

CoRPUS

Сэм Грин

**Кто здесь власть? Граждане,
государство и борьба за Россию**

«Corpus (ACT)»

2019

УДК 323.2(470)
ББК 66.3(2Рос)

Грин С.

Кто здесь власть? Граждане, государство и борьба за Россию /
С. Грин — «Corpus (АСТ)», 2019

ISBN 978-5-17-122854-5

На чем базируется власть Путина — один из самых обсуждаемых вопросов последних двух десятилетий среди политологов, социологов, экономистов и журналистов. Книга политологов Сэма Грина и Грэма Робертсона — это попытка найти на него ответ не в теоретической плоскости, а в практической. Десятки интервью с обычными россиянами, изучение результатов соцопросов, наблюдение за различными группами в социальных сетях и анализ данных о составе и активности протестных групп — все эти методы не только помогли авторам понять, кто в действительности является сторонником Путина, но и сделать парадоксальный вывод: эта поддержка не так надежна, как принято считать, и в любой момент она может закончиться. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323.2(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-17-122854-5

© Грин С., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Благодарности	6
Глава 1. Народ и Владимир Путин	7
Наталья и Максим	8
Прислушиваясь к людям	9
Политические основы власти Путина	11
Социальные основы власти Путина	13
Глазами россиян	15
Глава 2. Кремль в огне	16
Мистер Путин	17
В тандеме	19
Тупик	21
Анатомия репрессий	22
Не будоражить народ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сэм Грин, Грэм Робертсон
Кто здесь власть? Граждане,
государство и борьба за Россию

Эльяне и Анне
– С. Г.

Сеси, Томасу и Мили
– Г. Р.

Originally published by Yale University Press

© Sam Greene and Graeme Robertson, 2019

© Е. Фоменко, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

Благодарности

Мы благодарны многим людям, которые помогли нам осмыслить темы, затронутые в этой книге. Хотя мы не сумеем перечислить всех поименно, мы высоко ценим соображения и поддержку наших коллег, студентов и друзей, которые постоянно заставляют нас пересматривать свои взгляды. Мы особенно благодарны тем, кто не жалел времени, чтобы читать фрагменты книги в процессе ее создания, и высказывал свои замечания, в том числе Чарльзу Кроверу, Марии Липман, Сесилии Мартинес-Галлардо, Питеру Маккеллару, Сильвии Ницове, Саре Оатс, Роланду Олифанту, Роберто Паласиосу, Гульназе Шарафутдиновой, Марату Штерину, Регине Смит, Тиму Уокеру, Джонатану Вайлеру и Илье Яблокову. Мы благодарны *Smith Richardson Foundation* за финансовую поддержку исследований, которые легли в основу этой книги. Отдельное спасибо Светлане Королевой и Алексею Левинсону из Левада-Центра и Трилене Коневой, которые содействовали проведению наших исследований. Мы также в долгу перед всеми сотрудниками издательства *Yale University Press*, которые помогли нам превратить идею в книгу. Всем хорошим эта книга обязана щедрости и благосклонности перечисленных людей и не только. За все плохое, напротив, отвечают лишь ее авторы.

Глава 1. Народ и Владимир Путин

Владимир Путин – популярный человек. А еще он диктатор. И в этом нет противоречия.

Путин доминирует в российской политике на протяжении последних двадцати лет – с самого первого появления на политической арене. Он четырнадцать лет занимает пост президента и еще четыре года был премьер-министром. Он не раз переживал экономические взлеты и падения. Он руководил Россией в эпоху войн и санкций, серьезных уличных протестов и ужасов терроризма. Его власти редко бросали вызов. Присутствие Путина всегда казалось неизбежным, он словно неподвижный ориентир в меняющемся мире. Другие политические лидеры приходили и уходили. Путин оставался.

Как ему это удается?

Помогает его диктаторская сущность. Президент России управляет гигантской машиной принуждения, созданной для того, чтобы надзирать и контролировать. Путин неоднократно использовал огромную силу российского аппарата подавления, чтобы запугивать потенциальных соперников и лишать их собственности, отправлять в тюрьму оппонентов и высылать их из страны. Другим его конкурентам везло еще меньше. Некоторые из тех, кто особенно яростно критиковал Путина, когда мы начинали работу над настоящим исследованием, не дожили до его публикации.

Но обращая внимание лишь на подавление и насилие, мы получаем неполную и неточную картину российской политики. Обычно мы полагаем, что диктаторы правят вопреки массам, которые при возможности с удовольствием прогнали бы их с поста. Хотя в некоторых странах это действительно так, в России ситуация иная. Нельзя сказать, что Владимир Путин силой властвует над притесняемым и не расположенным к нему народом. Его власть рождается – или совместными усилиями выстраивается – в процессе политической борьбы, в которой участвуют сам Путин, его противники и десятки миллионов сторонников.

В этой книге мы рассказываем, как неприметный полковник КГБ занял исключительную позицию в политике страны. Путин не просто президент – он стержень нации и синоним самого Российского государства. По всему миру журналисты и политики спрашивают не “как поступят русские”, а “как поступит Путин”. Впрочем, на самом деле невозможно ответить на эти вопросы по отдельности. Путин сумел стать выше обычных политических противоборств не с помощью одной лишь силы, а при поддержке миллионов россиян. Они удерживают его на плаву по ряду причин – и личных, и материальных, и эмоциональных. В этой книге мы изучаем эти причины, а также пытаемся понять противников Путина – и тех, кто к нему безразличен. В результате у нас складывается история российской политики, которая достаточно сильно отличается от той, что вы, возможно, привыкли слышать.

На стеллажах магазинов стоит немало книг о “путинской России”, но в большинстве из них не уделяется должного внимания роли российского общества в укреплении власти Путина – или выстраивании этой власти совместными усилиями. Не стоит ориентироваться лишь на то, что Путин сделал для России. Нужно думать не о путинской России, а о российском Путине. Мы должны понять, что Путин не стоит над своей страной, а *воплощает в себе* эту страну, ее политику, общество и историю. Вместо того чтобы смотреть на самого Путина, нам нужно думать о России и ее гражданах, пытаясь не только ответить на вопрос о том, когда правитель наконец ослабит свою хватку, но и выяснить, когда и как народ ослабит свою.

Наталья и Максим

Незадолго до перевыборов Путина в марте 2018 года мы спросили Наталью, почему она собирается за него голосовать¹.

Во время беседы 44-летняя сотрудница регистратуры из Ярославля – древнего города с населением около полумиллиона человек, расположенного примерно в 250 километрах к северо-востоку от Москвы, – снова и снова предваряла свои ответы оговоркой, что она не интересуется политикой, мало знает и вообще в этом деле профан. “Спросите лучше у мужа, – говорила Наталья. – Он больше в этом разбирается”. Несмотря на это, ее политическая позиция была вполне определенной.

Пока мы беседовали, она вспомнила случай, который произошел всего пару недель назад, когда она ждала приема в местной поликлинике.

“Одна женщина спросила у своего приятеля: «И как только все за него голосуют?» – рассказала Наталья. Под «ним», конечно, имелся в виду Путин. – А он [приятель] ответил: «Ну, он им пенсии на 30 рублей повысил, вот они за него и голосуют!»”

Наталью это поразило. В ее представлении это был не просто цинизм, а чистая неблагодарность. “Пусть они и жалуются на пенсии, но у них есть дети, которые зарабатывают хорошие деньги, ездят на машинах и так далее, – пояснила Наталья и продолжила: – Как по мне, боже упаси, чтобы оппозиция пришла к власти. Это будет хаос... Пусть продолжается развитие, пусть Путин правит и дальше. Мы развиваемся. Постепенно. И пусть будет поменьше этой демократии”.

Примерно в то же время мы беседовали с Максимом, которого в том числе спросили, считает ли он, что обычным россиянам – вроде тех, что вместе с Натальей сидели в очереди в поликлинике, – важно иметь право на критику власть имущих. Как и многие россияне, Максим – 34-летний продуктовый дизайнер, работающий на текстильной фабрике в Санкт-Петербурге, – теснее всего связывает концепцию власти с президентом. Поэтому когда мы спросили его, считает ли он, что люди должны иметь право критиковать власть, он был непреклонен.

“Нет, я считаю, что это неправильно, – сказал Максим. – Власть никто не может критиковать”.

Почему?

“Да кто мы такие? – риторически спросил он. – Мы не знаем того, что знают люди у власти. Поэтому мы их и выбираем – чтобы они всем управляли”.

Россияне любых политических взглядов любят повторять, цитируя философа-реакционера XIX века Жозефа де Местра, что “каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает”. Когда россияне, не желающие жить под властью Владимира Путина, ссылаются на этот постулат, они намекают на людей вроде Максима и Натальи, которые не только поддерживают президента, но и делают это столь беспрекословно, будто власть Путина представляет собой часть естественного порядка вещей, а следовательно, стоит вне критики. Для Путина Максим и Наталья во многих отношениях идеальные россияне, которые не только принимают его политику, но и укрепляют его власть, считая любую его критику незаконной. Для многих представителей оппозиции Максим и Наталья, напротив, являют собой ходячие карикатуры на все плохое в стране. Но зубоскальство в этом случае сбивает с толку. Чтобы понять, как рождается и отправляется власть Путина, нужно больше узнать о людях, имеющих такие воззрения, и разобраться, как и почему их взгляды оказывают влияние на окружающих. Занимаясь этим, мы начинаем понимать, каковы на самом деле отношения между российским народом и его авторитарным государством.

Прислушиваясь к людям

Мы не готовы согласиться с тем, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Эта фраза одним махом ставит диагноз целым нациям, лишая отдельных людей возможности принимать независимые решения или видеть вещи по-своему. Как социологи мы предпочитаем отталкиваться от личности и затем искать объяснение, почему и отдельные люди, и группы – сообщества и общественные движения, компании и нации – ведут себя определенным образом. С этой точки зрения единственное фундаментальное отличие россиянина от американца заключается в том, что один живет в России, а другой – в США.

Однако при изучении таких стран, как Россия, подход, подразумевающий анализ взглядов отдельных людей, оказывается сопряжен со сложностями. Обсуждение российской политики в прессе в основном так или иначе сводится к обсуждению Владимира Путина. Огромные снимки коварного диктатора и описания его последних махинаций часто маячат на первых полосах таких газет, как *The New York Times*, *The Economist* и *The Guardian*. Если в России или даже в мире творятся темные дела, сомнений не возникает – это происки Владимира Путина.

Любопытно, что внимание к Путину проявляют не только журналисты, но и представители общественных наук. В значительной части политологических исследований диктатуры (а их довольно много) анализируются элиты и создаваемая ими среда. Особое внимание при этом уделяется тому, как лидеры манипулируют политикой и политическими институтами – парламентами, выборами, судами, бюрократическими учреждениями и т. п., – чтобы не только маргинализировать оппозицию, но и направить ее деятельность в то русло, которое выгодно режиму. Академическая литература не знает недостатка в примерах того, как автократы становятся все более изобретательными в использовании потенциальных конкурентов в своих целях и манипулировании информационным пространством, несмотря на то что интернет лишил их монополии в медиасфере. Иными словами, утверждается, что диктатура выживает и даже процветает, потому что диктаторы научились лучше управлять политическими процессами и направлять их в нужное русло, тем самым держа конкурентов на расстоянии.

Однако это мнение довольно спорно. В мире несовершенной информации и повсеместных непредвиденных последствий образ изворотливого и несокрушимого диктатора требует от человека, занимающего этот пост, очень многого. Более того, бытующие представления чрезмерно упрощают отношения между правителем и народом, сводя их к одностороннему взаимодействию по нисходящей линии.

В этой книге мы рассматриваем российскую авторитарную политику не только по нисходящей, но и по восходящей: мы изучаем российского Путина, а не только путинскую Россию. Отвергая стереотипы и предрассудки, мы представляем наш анализ, основанный на надежных данных и проверенных методах социальных наук. Применяя систематический подход, мы отталкиваемся от уроков, полученных при проведении исследований в России и других странах. Значительная часть этих исследований не имеет прецедентов, включая первое систематическое исследование роли психологии личности в российской политике.

Мы слушаем, как обычные россияне рассказывают о себе, своей жизни и политике. Мы спрашиваем об их политических взглядах и экономическом благополучии, а также об их личных качествах и чувствах. Что они предпочитают – плыть по течению или против? Общительны они или скрытны? Внимательны к деталям или больше заинтересованы в общей картине? Гордятся они Россией и ее правителями или стыдятся происходящего и сердятся на них? Смотрят ли они с надеждой в будущее? К этому мы добавляем миллионы строк из социальных сетей. Какие дела они поддерживают и как? Какие вопросы вызывают у них отклик, а какие оставляют безразличными? Мы использовали утечку внутренних документов, чтобы воочию уви-

деть, как Кремль пытается управлять людьми и определять их воззрения. Все это помогло нам совершенно по-новому взглянуть на российскую политику.

Политические основы власти Путина

Владимир Путин тоже прислушивается к россиянам – и не только на манер КГБ. Путин со всей серьезностью относится к рейтингам своего одобрения и всегда читает опросы общественного мнения. Почему такой человек, как Путин, хочет быть популярным, когда в его распоряжении есть целый аппарат подавления? Прежде всего, даже для диктатора популярность представляет важный политический ресурс. В конце концов, управлять силой дорого и рискованно. Многие диктаторы теряют свою власть как раз потому, что неправильно рассчитывают силу подавления и провоцируют такой народный гнев, что даже самый мощный аппарат оказывается не в состоянии удержать их у власти. Зная это, Путин всегда внимательно – хотя порой и недостаточно внимательно – прислушивается к мнению народа, когда принимает политические решения. Более того, статус самого популярного политика в стране позволяет Путину отдавать приказы российскому правящему классу и рассчитывать на их исполнение, а также дает ему возможность отпугивать потенциальных конкурентов – как входящих, так и не входящих в правящую элиту. В связи с этим Путин полагает, что ему важно быть не просто популярным, а самым популярным человеком в стране.

Поскольку власть Путина полагается не только на нисходящее подавление, но и на общественную поддержку, при ее выстраивании должны проводиться агрессивные кампании – как на публике, так и за кулисами. В этом Кремль проявляет изобретательность и гибкость, в разные периоды прибегая к разным стратегиям. Порой в кампаниях используются острые вопросы, которые настраивают миллионы консервативных россиян против “современного”, “глобализированного” мира, угрожающего их ценностям. Порой акцент ставится на институты вроде Русской православной церкви и школьной системы, которые стабилизируют власть Путина и заставляют этого непримечательного человека казаться ценным и даже ключевым для выживания российского государства. В результате на протяжении последних четырех лет Путин постепенно превращается в символ политического сообщества, причастностью к которому, несмотря на все его недостатки, гордится большинство россиян.

В XXI веке выиграть кампанию – даже в авторитарном государстве – значит получить господство в медиапространстве. Как мы увидим, расширение контроля над медиа входило в число приоритетов Путина с самых первых его дней в Кремле, однако господствовать над медиа становилось все сложнее. Легче всего контролировать телевидение, но даже здесь Кремлю приходится непрестанно играть в кошки-мышки, потому что блестящие и отважные журналисты находят новые, необычные способы обращения к массам. Гораздо сложнее контролировать интернет, где Кремль вступил в игру с опозданием. Пытаясь угнаться за оппозицией, власти выработали двойную стратегию уничтожения конкуренции и привлечения сторонников к управлению онлайн-дискуссиями. Эта стратегия работает с переменным успехом. Просочившиеся в прессу внутренние документы показывают, что неуклюжие усилия властей в основном носят реакционный характер – и чиновники просто плывут в потоке событий, не в силах сопротивляться ему. Тем не менее в среде прокремлевских и националистических блогеров и активистов появляются новые гордые хранители путинской России.

Порой на руку Путину играют и события, в частности аннексия украинской республики Крым. До присоединения Крыма большинство россиян поддерживало Путина, но не чувствовало эмоциональной связи с политикой и своим лидером. Если обычные россияне и выражали какие-то эмоции в отношении политики, то они могли быть как позитивными, так и негативными. Крым все изменил. Коллективная эйфория, возникшая в ответ на украинские события, которые освещались на российском государственном телевидении, привела к огромному всплеску гордости, надежды и веры в российских лидеров. На этой эмоциональной волне рейтинги одобрения президента взлетели, а россияне ощутили большую удовлетворенность жиз-

нию. Многие люди, с которыми мы беседовали, вдруг поверили, что коррупция в стране сократилась, а экономические перспективы улучшились, несмотря на то что аннексия Крыма и война на Украине привели к ужесточению экономических санкций.

Реакция россиян на крымские события и последующую войну на востоке Украины показывает, какого влияния можно достичь, когда властное государство пользуется расположением публики. Коллективная эйфория, заставившая рейтинги поддержки Путина побить все рекорды, была построена на мифах – а точнее, на лжи, – которые рождаются лишь при совместной работе монополизированных медиа и восторженного населения. Фальшивые новости имеют силу, только если люди готовы им верить. Когда население восприимчиво к национально-патриотическим историям, а события освещаются все более оголтело, рождается мир эмоциональной политики, который оказывается оторван от реальности и потому чрезвычайно устойчив к изменениям.

Все эти грани российской власти – кампании, господство в медиа, мифотворчество – носят политический характер. Также они часто не столь надежны, как кажутся. За крепким фасадом скрываются структурные проблемы, которые дают повод усомниться в устойчивости власти Путина. Успех всех этих начинаний зависит не только от того, что делает Путин, но и от того, что делает народ, который непосредственно участвует в выстраивании власти. Лишившись поддержки народа, Путин дрогнет. Современная российская политика характеризуется хрупкостью, а не постоянством.

Социальные основы власти Путина

Решая поддержать Путина – или выступить против него, – Наталья, Максим и другие россияне не просто делают личный выбор. Они делают свой выбор в рамках общественного процесса, в который вовлечены десятки миллионов людей, взаимодействующих в школах, на работе, в церквях, в медиа и так далее. Для многих рядовых россиян преданность Путину – это прежде всего преданность своему сообществу. Россияне испытывают гордость за российские достижения и ощущают социальное давление, которое принуждает их не отбиваться от коллектива, не из-за *диктата* Путина, а из-за собственных отношений с друзьями и родственниками, с соседями и коллегами. Уже несколько лет это чувство единения неразрывно связано с поддержкой Путина. Однако российское общество не вечно будет пребывать в таком состоянии. Когда настроения изменятся, россияне, скорее всего, останутся преданы своему сообществу, однако их преданность Путину, возможно, исчезнет. Это крайне важно для понимания современной России. И еще важнее для понимания России будущего. В конце концов, даже Путин смертен, а российская политика с его уходом не умрет.

Система путинской власти день ото дня укрепляется действиями и убеждениями миллионов россиян, живущих в разных уголках огромной страны. Именно это мы имеем в виду, когда говорим об участии народа в выстраивании российской власти. Приписываемая Путину власть на самом деле рождается из готовности миллионов российских граждан укреплять влияние Путина в обществе. Способов для этого бесчисленное множество. Люди принимают участие в правительственных демонстрациях силы на улицах и добровольцами отправляются воевать на Украине. В крайних случаях люди укрепляют волю Путина, избивая или даже убивая его критиков. Впрочем, гораздо чаще народ укрепляет власть Путина более прозаическим образом, посредством социального давления на местах: начальники требуют, чтобы их подчиненные ходили на выборы; школьные учителя прививают детям слепую веру в официальные рассказы о героизме Путина; друзья принимают поддержку Путина за проявление патриотизма. Все это сегодня служит реальными источниками власти Путина.

Участие в выстраивании этой власти не ограничивается поддержкой проводимой в стране политики и принятием политических лозунгов. Мы показываем, что поддержка Путина и его политики вошла в список добродетелей, которые полагается иметь рядовому члену российского общества. Всем, кто рискует отойти от нормы, грозят реальные социальные и иногда экономические последствия. В результате все, кто боится прослыть белой вороной или хранит верность таким институтам, как Русская православная церковь, давно усвоили нормы поддержки и лояльности президенту.

При этом тот факт, что Путин правит благодаря, а не вопреки российскому обществу, не означает, что россиянам свойственно поддерживать автократов. В разные годы многие высказывали подобные обвинения, однако они не имеют под собой оснований и скатываются в область русофобии. Многие россияне упорно противостоят Путину и идут на огромный риск, открыто бросая ему вызов. Даже за пределами этого отважного меньшинства большинство россиян верит в ценность демократических выборов и свободы слова. Российское общество многообразно и неистово, беспокойно и любопытно. В нем бушуют те же конфликты – между прогрессом и консерватизмом, амбициями и тревожностью, – которые знакомы большинству демократических стран. И все это несмотря на строгий государственный контроль над медиа, экономикой и большинством общественных пространств, где рождаются и обсуждаются идеи.

Наша позиция, возможно, покажется спорной. С одной стороны, может сложиться впечатление, что мы сваливаем всю вину на жертв: раз обычные россияне – явно потерпевшая сторона в отношениях с государством, как можно утверждать, что они сами отчасти несут ответственность за возникновение этого государства? С другой стороны, может показаться,

что мы называем всех россиян соучастниками преступления, возможно, даже сравнивая их с рядовыми немцами, которые стали соучастниками преступлений Гитлера. На самом деле мы не имеем в виду ни того, ни другого.

Мы хотим сказать, что диктаторы вроде Путина часто борются за власть в собственном государстве, желая вести общество за собой, но в итоге следуя у него на поводу. Как мы увидим, путинский Кремль прикладывает огромные усилия, чтобы распознавать угрозы, оценивать возможности и разрабатывать стратегии получения и сохранения политического преимущества, но никогда не демонстрирует абсолютной уверенности в собственной неуязвимости. Часто Кремль оказывается относительно бессилён перед лицом событий – хоть на территории Украины, хоть на мировых финансовых рынках.

В результате, несмотря на хваленую силу и закалку Путина, его господство в российской политике зависит от обстоятельств и потому подвержено рискам. Общественная поддержка может со временем исчезнуть или ослабнуть. Часто такая поддержка исчезает в одночасье. Однажды влюбившись в своих лидеров, граждане вполне способны их разлюбить. Когда эта книга отправилась в печать, уже появились первые признаки недовольства. Политика по-прежнему во многом определяется событиями, контролировать которые руководство страны не в силах, и реакция на эти события может серьёзным образом дискредитировать власть. Популярность и статус диктатора делают Путина сильным. Однако зависимость Путина от общественной поддержки также делает его уязвимым.

Глазами россиян

Конечно же, Владимир Путин не единственный автократ нашего мира. В 2018 году националистически настроенный премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, радуясь победе на подтасованных парламентских выборах, назвал себя предвестником конца “либеральной демократии”. В Турции бытует мнение, что Реджеп Тайип Эрдоган поставил точку в демократических начинаниях страны. Национализм, популизм и властность возвращаются не только в авторитарных государствах. Люди тревожатся о сохранении либеральных свобод и выживании демократии в Бразилии, Франции, Италии, Израиле, Польше, Чехии, Великобритании и – возможно, сильнее всего – США. Американская неправительственная организация *Freedom House*, которая занимается исследованием уровня политической свободы и свободы прессы в мире, объявила: “Базовые принципы демократии – включая гарантии свободных и честных выборов, соблюдение прав меньшинств, свободу прессы и торжество закона – находятся под угрозой во всем мире”². Может, Путин и сумел первым захватить контроль над медиа и сплотить миллионы сторонников вокруг эмоционально заряженной националистической идеи, но Орбан, Эрдоган и остальные продемонстрировали, как легко повторить его успех.

Скопирована была не только сама модель построения власти. Хорошей иллюстрацией может служить состоявшийся в 2016 году референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе, по итогам которого было принято решение о выходе страны из ЕС. Имеются свидетельства многочисленных связей различных российских националистов с европейскими праворадикалами. Отрицание либерального универсализма – идеи о том, что все люди равны и наделены одинаковыми правами, – объединяет таких людей, как Найджел Фараж, который возглавил кампанию в поддержку брексита, Виктор Орбан в Венгрии, Марин Ле Пен во Франции и, само собой, Путин и Трамп.

Таким образом, эта книга рассказывает не только о России. Пытаясь разобраться, как Россия освободилась от коммунизма, но снова попала под власть диктатора, мы можем многое узнать о политике популизма. Происходящее в России подчеркивает важность контроля над медиа и заграничных авантюр, но также заостряет внимание на роли общества, гордости и эмоций в конструировании и поддержании картины мира, которая оторвана от реальности, но повсеместно принимается на веру. Все это показывает, как демократия и свобода слова могут пошатнуться даже в стране, где большинство жителей верит в их идеалы.

Кроме того, этот анализ может преподать нам урок о важности борьбы и сопротивления. Акцентируя внимание на подъеме авторитаризма, мы часто упускаем из виду миллионы людей, которые ему противостоят. Как мы увидим в этой книге, несмотря на явную силу Путина, в 2011–2012 годах сформировалась группа, которая воспротивилась его возвращению к власти и начала диалог о сущности российского государства и значении российского гражданства. Пусть этот диалог нельзя назвать открытым и сбалансированным, он все же очень важен. Эта оппозиция никуда не исчезла. Пока Кремль искал способы консолидировать свои позиции и дать суровый отпор всем критикам режима, оппозиция мобилизовала свои ресурсы. Самая важная битва за будущее российского государства идет не на Украине и не в Сирии, а в самой России.

В связи с этим, чтобы понять, куда движется наш мир, полезно будет взглянуть на него глазами россиян.

Глава 2. Кремль в огне

Еще недавно Россия была в тренде. В Москве и Санкт-Петербурге программисты, фрилансеры и дизайнеры влились в среду банкиров, юристов и продавцов. Они с апломбом и великим энтузиазмом взялись за социальные сети. Все вдруг стали блогерами. *Facebook* и *Twitter* мгновенно доносили мировые идеи и тенденции в российское общество. Оказавшись при деньгах, люди стали возвращаться из европейских отпусков, мечтая не об эмиграции, как прошлые поколения, а о возможности изменить свою жизнь и свои города на манер Лондона, Парижа и Берлина. Россия не просто богатели. Россия гудела.

Однако на любую шумную компанию найдется свой зануда, и в компании зарождающейся российской городской элиты им стал Владимир Путин.

Мистер Путин

Владимир Путин родился в обычной семье в обычной ленинградской коммунальной квартире в 1952 году. Его отец, которого тоже звали Владимиром, во время войны служил на подводном флоте, а после демобилизации работал на вагоностроительном заводе имени Егорова. Мать Путина, Мария, пережила суровую блокаду Ленинграда и впоследствии трудилась на том же заводе. Только дед Путина по отцовской линии, Спиридон Путин, получил свою минуту славы, работая старшим поваром для советских руководителей высшего ранга, включая Ленина и Сталина. Если молодого Путина это и впечатляло, он не подавал виду. После относительно буйной юности, в которой не обошлось без нескольких уличных драк, он поступил на юридический факультет, а по окончании университета прельстился службой в КГБ, куда и был распределен в 1975 году. Через десять лет его отправили в Дрезден, где он, очевидно, научился ценить хорошее пиво, способное развеять тоску при сортировке вырезок из восточногерманских газет¹. Четыре года спустя он стал свидетелем того, как рухнула Берлинская стена. Еще через два года, вернувшись в Ленинград, он увидел, как исчезает его страна. За этим также наблюдали Максим, которому было семь лет, и Наталья, которой было семнадцать.

С тех пор Путин поднимался по карьерной лестнице, неизменно оказываясь в нужное время в нужном месте. Официально он ушел в отставку, прекрасно понимая, что в любой момент его могут вызвать обратно, и стал работать под началом своего бывшего преподавателя юриспруденции Анатолия Собчака, только что избранного мэром города, которому скоро вернут название Санкт-Петербург. В обязанности Путина входило привлечение иностранных инвесторов, в чем ему должны были помогать полученный за границей опыт и прекрасное владение немецким языком. Деньги – в том числе немецкие – стали стекаться в его направлении и проходить через его канцелярию. Вскоре у него появились и хорошие связи. Когда Собчак проиграл выборы 1996 года, одна из этих связей сработала: Путина пригласили в Москву, в администрацию Бориса Ельцина, где он занял должность заместителя управляющего делами президента, на которой курировал юридические вопросы и управление российской заграничной собственностью.

При поддержке старых друзей из Санкт-Петербурга, включая других бывших агентов КГБ и сторонников либеральной экономики, Путин быстро завоевал авторитет и доверие Ельцина. Он был назначен директором ФСБ, которая пришла на смену КГБ. В августе 1999 года Ельцин сделал Путина премьер-министром. В то время ни в России, ни за рубежом почти никто не ожидал от него ничего особенного. О нем вообще мало кто слышал. Однако решительный ответ на серию состоявшихся месяц спустя террористических атак и мастерство, продемонстрированное при разрешении возобновившегося чеченского конфликта, завоевали ему симпатии публики. В августе 1999 года лишь 2 % российских избирателей готово было проголосовать за Путина на президентских выборах. К октябрю его поддерживал уже 21 %. К ноябрю 45 % участвовавших в опросах говорили, что намереваются отдать свой голос Путину после ухода Ельцина. Решение Ельцина уйти в отставку на заре нового тысячелетия и сделать Путина исполняющим обязанности президента показалось вполне естественным. В марте 2000 года Путин выиграл президентские выборы, набрав 54 % голосов.

Контраст между Путиным и Ельциным – почти непьющим спортсменом и престарелым алкоголиком со слабым здоровьем – был предельно резким, но Путин получил еще кое-что, чего у Ельцина не бывало: высокие цены на нефть. Пока Ельцин был у власти, цена на нефть почти не превышала 20 долларов за баррель. Однако с 2000 года она начала практически непрерывно расти и добралась до 70 долларов за баррель в 2006 году, а затем до 130 долларов за баррель в 2008-м. В условиях серьезной зависимости экономики от экспорта нефти и газа такой удачный расклад подпитывал беспрецедентный рост доходов рядовых россиян и повышение

уровня жизни. Россияне вели зажиточную жизнь, которой не знали прежде, и она резко контрастировала с нуждой, испытываемой многими в 1990-х, при Ельцине.

Но это процветание имело свою цену, которой стало серьезное ужесточение государственного контроля над медиа. Через три месяца после победы на первых президентских выборах Путин взял под личный контроль расследование деятельности компании «Медиа-Мост», владевшей самыми успешными независимыми медиаплощадками России. Собственник компании, Владимир Гусинский, который из театральных режиссеров переqualificировался в банкиры, был арестован по обвинению в финансовом мошенничестве. К осени 2000 года Гусинский бежал из страны и потерял контроль над своими активами в «Газпроме», государственной компании, обладающей монополией на экспорт природного газа. В январе 2001 года еще один так называемый олигарх, Борис Березовский, понял намек и передал контроль над своим телеканалом, ОРТ, а вскоре после этого бежал из страны. Путин, избирательная кампания которого была частично профинансирована Березовским, назвал его решение «мудрым».

Путину не понадобилось и года, чтобы установить контроль над национальным радио и телевидением. Однако общество почти не выражало протеста. В глазах многих журналисты НТВ, ОРТ и других каналов были неприкасаемой элитой. Порой они зарабатывали сотни тысяч долларов в год, когда рядовые россияне с трудом получали по сотне долларов в месяц. Считалось, что за такую щедрость журналисты платили верной службой своим работодателям, а не обществу. Гусинский и Березовский, как предполагалось, нажились на коррупционных, инсайдерских схемах приватизации в 1990-х, украл у государства миллиарды долларов, а потому не вызывали сочувствия.

Сочувствия не получил и другой влиятельный российский бизнесмен, Михаил Ходорковский. В октябре 2003 года он лишился своей нефтяной компании «ЮКОС» и был приговорен к десяти годам сибирской колонии-поселения за уклонение от уплаты налогов. Складывается впечатление, что среди грехов Ходорковского была попытка оказать поддержку оппозиционным партиям в Государственной думе – нижней палате парламента, где принимается большинство законов. Через два месяца после ареста Ходорковского поддерживаемая Путиным партия «Единая Россия» получила контроль над Думой, впервые в постсоветской истории обеспечив Кремлю подавляющее большинство мест. Остальным партиям было предложено финансирование через Администрацию Президента, и никто от него не отказался. Спустя три месяца, в марте 2004 года, Путин был повторно избран президентом, набрав 71 % голосов на лозунге о «стабильности».

В тандеме

К концу второго срока проблемой для Путина стала российская конституция. Он восемь лет подряд пребывал в должности президента и не имел права избираться на третий срок. Строились всевозможные догадки: может, он изменит правила, как лидеры соседних Белоруссии и Казахстана? Вряд ли, ведь в таком случае Путин будет признан деспотом, что нанесет серьезный удар по его авторитету на мировой арене. Может, он просто уйдет, умыв руки? Некоторые полагали, что такое возможно. В конце концов, однажды он пожаловался, что работает “как раб на галерах”. Возможно, он устал.

В итоге – и не впервые в своей карьере – Путин решил получить и то, и другое. Он предложил на должность президента кандидатуру своего давнего помощника Дмитрия Медведева, который окончил тот же самый юридический факультет, что и сам Путин. Медведев работал помощником Путина в Санкт-Петербурге, а в 2000 году возглавил предвыборную кампанию Путина и перешел на работу в Администрацию Президента. Путин стал лидером партии “Единая Россия” (хотя и не вступил в нее). А Медведев, набрав 70 % голосов на выборах (весьма удачно – на 1 % меньше рекордного результата своего предшественника), покорно назначил Путина премьер-министром.

Вдвоем они охватывали все аспекты власти. Медведев был молод, улыбочив и – к радости многих – не связан с КГБ. Он ездил в Кремниевую долину, восхищался айфонами и проводил политику “перезагрузки” с новоиспеченным президентом Бараком Обамой, после того как из-за Ирака обострились отношения Путина с Джорджем Бушем. На внутренней арене он провозгласил, что “свобода лучше несвободы”, и пообещал терпимость. Путин тем временем внимательно наблюдал за происходящим. В так называемом тандеме Путин формально занимал более низкую позицию, но ни у кого не возникало сомнений, в чьих руках сосредоточена реальная власть. При этом тандеме Россия почти не пострадала от финансового кризиса, после которого в США и Европе началась многолетняя рецессия. Даже пятидневная война с Грузией за территории Абхазии и Южной Осетии не смогла остановить неумолимый российский взлет.

Как оказалось, остановить его мог лишь сам Путин. В сентябре 2011 года на съезде “Единой России” Медведев объявил, что не будет баллотироваться на второй срок. Вместо него в грядущих в марте выборах снова примет участие Путин. Бесспорно, мало кто испытывал искреннюю любовь к Медведеву, однако его избрание – и уважение к конституции, которое к нему привело, – казалось шагом вперед. Грядущий третий срок Путина, напротив, воспринимался как шаг назад.

На парламентских выборах в декабре 2011 года многие недовольные перестройкой “тандема” решили выразить негодование, проголосовав против “Единой России”. Некоторые из этих людей также добровольно стали наблюдателями на выборах, чтобы контролировать ситуацию на избирательных участках и предотвращать – или хотя бы фиксировать – любые нарушения. И зафиксировали они их немало: в ходе голосования в интернете появилось множество снятых на смартфоны видеороликов, в которых показывалось, как вбрасываются бюллетени, как одни и те же люди по несколько раз голосуют на разных участках и как осуществляются открытые фальсификации. Когда появились результаты, оказалось, что “Единая Россия” в городах набрала гораздо больше голосов, чем предполагали ее противники.

Последовало шесть месяцев протестов, численность крупнейшего из которых достигла 200 тысяч человек. Эти протесты вылились в движение “За честные выборы” и стали известны как “протесты на Болотной” по названию московской площади, где устраивались самые многочисленные митинги. Вместо того чтобы триумфально вернуться в Кремль, Путин столкнулся с самым серьезным политическим кризисом за весь период своего правления. Ситуацию усугублял тот факт, что экономика больше не способствовала росту благосостояния теми же тем-

нами, что в первые десять лет власти Путина, и прогнозы были неутешительными. Казалось, Путин потерял свое политическое обаяние и никак не мог это исправить.

Тупик

Дубинки впервые пошли в ход в последний день президентства Дмитрия Медведева.

Даже когда Медведев занимал высшую государственную должность, мало кто в России и за ее пределами питал иллюзии относительно природы политической системы Владимира Путина. Государство – прямо или косвенно – контролировало все четыре партии в Государственной думе, всех губернаторов и большинство телеканалов. Институты гражданского общества сдерживались все более суровыми законами и притеснялись. Результаты выборов всегда были однозначными. Но несмотря на автократический характер путинская Россия не слишком часто прибегала к принуждению. За пределами Северного Кавказа – где вялотекущие войны с повстанцами привели к установлению почти постоянного чрезвычайного положения, заполняя тюрьмы и кладбища, – противники Путина в основном рисковали лишь тем, что все их усилия будут тщетными. Убийства критически настроенных журналистов, адвокатов и активистов, включая Анну Политковскую, Наталью Эстемирову, Пола Хлебникова, Станислава Маркелова, Анастасию Бабурову и других, оставляли мало сомнений в том, что государство и его союзники могут убивать, но обычно к убийствам не прибегают. Россия была не Северной Кореей, не Узбекистаном и даже не Китаем.

Характерно, что протесты, начавшиеся после думских выборов в декабре 2011 года, сохраняли мирный характер до последнего дня президентства Медведева. Не считая ранней волны арестов после первых митингов, состоявшихся 5 декабря, полиция не вмешивалась в происходящее, пока на улицы Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других городов выходили тысячи, десятки и сотни тысяч людей. Казалось, Кремль уверен в своей силе и сохраняет спокойствие, несмотря на уличные митинги. Более того, события, несомненно, развивались по благоприятному для власти сценарию: Путин победил на состоявшихся 4 марта выборах, набрав 63,6 % голосов, а численность оппозиционных митингов, прежде собиравших более 100 тысяч участников, к середине весны снизилась до 10 тысяч человек.

Однако последний выход оппозиции должен был состояться 6 мая 2012 года, накануне инаугурации Путина. Протестующие планировали под лозунгом “Мы здесь власть!” пройти на север по Большой Якиманке, перейти Малый Каменный мост и оказаться на Болотной площади – той самой, которая почти полгода назад дала название всему протестному движению. Но этим планам не суждено было сбыться.

На мосту, в тени печально знаменитого Дома на набережной, где жили многие коммунистические деятели, затем сгинувшие в сталинских репрессиях, три лидера протеста – Алексей Навальный, Сергей Удальцов и Борис Немцов – сели на асфальт, объявив “сидячую забастовку”². Полицейское оцепление блокировало вход с моста на Болотную площадь. Когда полицейские стали оттеснять протестующих – назад на мост, на другой берег, подальше от Кремля, – начались потасовки, которые переросли в настоящее столпотворение. Столкновения и драки продолжались около двух часов, после чего было арестовано около 400 человек. Более двадцати протестующих и сравнимое число полицейских было госпитализировано³.

На следующий день, когда кортеж Путина проехал к Кремлю по другому берегу реки, после чего Путин снова вступил в должность, с которой на самом деле и не уходил, все было спокойно. На улице не было ни глумящихся, ни ликующих толп. На улице не было ни души.

Это было мнимое затишье.

Анатомия репрессий

Кажущееся равнодушие Кремля к оппозиции, возникшей в конце 2011 года, было обманчивым. На самом деле Кремль испытал серьезную встряску, которая в итоге подтолкнула его к трансформации своей политической стратегии. До этого момента все сводилось к идеологической неопределенности и мирному сосуществованию с обществом. Вместо того чтобы предлагать ему мобилизующую политическую программу, режим старался держать политику в стороне от народа, а народ – в стороне от политики. Вызов, брошенный на уличных протестах 2011 года, изменил это. Теперь российское государство стало подводить политику к народу – сначала в форме полицейских и тюремных надзирателей, а затем по телевидению и онлайн. Задача состояла в том, чтобы трансформировать пассивное принятие правления Путина в активное участие в этом правлении, используя проверенные и надежные политтехнологии для мобилизации сторонников и демонизации противников режима.

Пока полицейские не пускали в ход дубинки, об озабоченности верхних эшелонов власти говорили другие действия. 5 декабря 2011 года Навального и Удальцова арестовали на пятнадцать суток. В январе 2012 года суд возобновил дело Алексея Козлова, мужа журналистки и правозащитницы Ольги Романовой, которая стала одним из главных организаторов протестов на Болотной. Козлову грозило повторное заключение по сфабрикованному обвинению в хищении денежных средств⁴. 3 марта, всего за день до президентских выборов, полиция арестовала участниц группы *Pussy Riot*: Надежду Толоконникову, Марию Алехину и Екатерину Самуцевич, которые в феврале выступили против Путина в храме Христа Спасителя⁵.

Если кто-то и ожидал, что преследования прекратятся, как только Путин займет свое место в Кремле, их ждало серьезное разочарование. Последовала волна репрессий, которой не было равных в постсоветской истории России – ни до, ни после. Через две недели после инаугурации Козлов получил новый срок и вернулся в тюрьму. В мае 2012 года следователи открыли дела в отношении юристов и представителей науки, обвиняемых в симпатиях к пребывающему в заключении олигарху Михаилу Ходорковскому, что вынудило некоторых из них – включая известного экономиста Сергея Гуриева, который был советником Медведева и Навального, – бежать из страны⁶. Толоконникова, Алехина и Самуцевич из *Pussy Riot* предстали перед судом в июле 2012 года и в августе были приговорены к двум годам тюрьмы, хотя наказание Самуцевич впоследствии было смягчено⁷.

Однако ничто не могло сравниться с судами над теми, кто принял участие в протестах 6 мая. Сразу после столкновений Кремль запустил серию арестов, допросов и слушаний, которые растянулись более чем на три года. Всего сроки разной длительности получили девятнадцать человек, в основном обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам. Репрессии словно специально растягивались во времени: первый вердикт по “майскому делу” был вынесен в ноябре 2012 года, а последний – в декабре 2015 года, через сорок три месяца после событий⁸. Медленная серия арестов, судов и приговоров держала в постоянном страхе всех, кто был связан с движением.

Максимальный срок получил Удальцов. 5 октября 2012 года государственный телеканал НТВ пустил в эфир документальный фильм “Анатомия протеста – 2”, в котором показывалось, как Удальцов и двое его помощников на встрече с грузинским агентом договариваются о разжигании революции в России. Пять дней спустя Удальцова вызвали на допрос⁹. 19 октября 2012 года российские силовики фактически похитили Леонида Развозжаева на Украине. После длительного ареста Удальцову и Развозжаеву предъявили обвинения в подстрекательстве к насилию и попытке организации массовых беспорядков¹⁰. Обоих приговорили к

четырем с половиной годам тюремного заключения¹¹. Их третий сообщник, Лебедев, предстал перед судом по другим обвинениям, но в итоге дал показания против Удальцова и Развозжаева, хотя и заявил впоследствии, что сделал это под давлением, и отказался от своих показаний в суде¹².

Таким образом, после протестов на Болотной и переизбрания Путина российская политическая система, которая никогда не была в полной мере “вегетарианской”, как выражается сегодняшняя российская оппозиция, стала еще плотояднее. Путин исполнял угрозу, озвученную на единственном в ходе своей предвыборной кампании митинге, который состоялся 23 февраля 2012 года, в День защитника Отечества, когда он сравнил всех, кто пытается не допустить его переизбрания, с предателями, радостно встречающими вражеские армии Гитлера и Наполеона¹³.

Не будоражить народ

В период правления Владимира Путина Кремль придерживался простого принципа “не будоражить народ”. Продвигаясь по карьерной лестнице, Путин, возможно, вспоминал один из самых ярких эпизодов своей службы в Дрездене. Когда рушилась Берлинская стена, толпа рассерженных восточных немцев собралась у советского здания, в котором работал Путин. Возглавляя Восточный блок, в условиях оккупации Восточной Германии СССР поддерживал крайне непопулярного диктатора Эриха Хонеккера, жестокие репрессии которого довели страну до точки кипения. Не стоило и сомневаться, что революционный гнев обрушится и на советских служащих.

Когда немцы ворвались в ворота, Путин позвонил в Москву, чтобы получить инструкции. Призывать ли на помощь полицию Восточной Германии? Советские войска? Москва молчала, и перед лицом толпы это молчание казалось оглушительным. В 2001 году Путин сказал в интервью, что именно в тот момент понял, что Советский Союз обречен, хотя до его распада оставалось целых два года. Будущий президент России усвоил урок: нужно не волновать народ и ясно доносить свои идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.